

Йоси
БЕЙЛИН

Долгая дорога
к миру

Йоси Бейлин

Долгая дорога к миру

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3945795

Долгая дорога к миру: Книга-Сефер; Тель-Авив; 2009

ISBN 978-965-7288-16-0

Аннотация

Йоси Бейлин говорит о себе, что он в первую очередь еврей, а уже потом израильтянин. Он один из самых выдающихся сионистов своего поколения. Его уникальное умение – взять на себя ответственность и воплотить идею в жизнь, исходя исключительно из безграничной любви и заботе о будущем народа и государства Израиль, не задумываясь, насколько популярны его действия, выражается во всех его предпрятиях, от «Женевской инициативы» и до законодательства, которое отменило прямые выборы премьер-министра. Все это делает Йоси Бейлина редким политиком, чья автобиография, безусловно, увлечет вас. Президент Государства Израиль Шимон Перес

Содержание

Предисловие	4
Предисловие переводчика	8
Долгая дорога к миру	16
Дом на улице Калишер	16
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Йоси Бейлин, Нино Абесадзе Долгая дорога к миру

Предисловие Президента Государства Израиль, г-на Шимона Переса, к автобиографии Йоси Бейлина на русском языке

Я очень рад тому, что Йоси Бейлин решил опубликовать книгу на русском языке.

Таким образом, он оказался первым политическим деятелем, который не удовлетворился переводом, а обратился напрямую к русскоязычному читателю. Эта книга даст нам замечательную возможность познакомиться с автором через его автобиографию.

Бейлин является представителем первого поколения, родившегося в государстве Израиль. Он родился спустя месяц после создания государства, учился в школе в Тель-Авиве, участвовал в войнах Израиля, получил третью академиче-

скую степень в Тель-Авивском университете, работал журналистом, читал лекции в университете и был спикером партии Авода, когда в октябре 1977 года я пригласил его работать со мной.

На первый взгляд, Бейлин – представитель израиль-тян-тель-авивцев, сын «старожилов», репатриировавшихся в страну из восточной Европы в 20-е годы, отличник школы, отличник военной службы, прекрасный семьянин, – ведет себя так, как мы, поколение, создавшее эту страну, могли бы ожидать от него. Но на деле я знаком с двумя Йосн. Один принимает жизнь всерьез и действует в соответствии с тем, чего от него ожидает ближайшее окружение. Второй же – бунтарь, борющийся за свои принципы и не готовый принимать ничего на веру. Таким образом он вместе со своими единомышленниками боролся за разделение между членством в Израильском профсоюзе, («Гистадрут») и членством в партии «ха-Авода».

Таким образом происходила и его борьба за создание Палестинского государства. С целью увековечить Израиль как государство с еврейским большинством он начал переговоры, которые привели к соглашениям в Осло. Также успешно он боролся за введение санкций против режима Апартеида в ЮАР и за вывод израильских войск из Ливана. Бейлин выступил против еврейского истеблишмента для того, чтобы реализовать свою идею: привести на экскурсию в Израиль за счет мирового еврейства любого еврейского подрост-

ка в рамках инициативы «Таглит», которая со временем стала очень популярна.

Мне вспоминается характерный эпизод. Будучи министром юстиции, он неузнанным посещал судебные заседания, чтобы составить непосредственное впечатление о происходящем, а не довольствоваться официальным визитом.

Йоси – настоящий интеллеktуал. Его высказывания отличаются глубиной и четкостью. Его политическая деятельность отличается особой уникальностью. То, что делает он, может сделать только он.

Йоси Бейлин говорит о себе, что он в первую очередь еврей, а уже потом израильтянин. Он один из самых выдающихся сионистов своего поколения. Его уникальное умение – взять на себя ответственность и воплотить идею в жизнь, исходя исключительно из безграничной любви и заботе о будущем народа и государства Израиль, не задумываясь, насколько популярны его действия, выражается во всех его предприятиях, от «Женевской инициативы» и до законодательства, которое отменило прямые выборы премьер-министра. Все это делает Йоси Бейлина редким политиком, чья автобиография, безусловно, увлечет вас.

Шимон Перес

Qm Q₀

шириной перес.

Предисловие переводчика

Для Йоси Бейлина, родившегося и росшего в Тель-Авиве, словосочетание «война и мир» в детстве ассоциировалось исключительно с великим произведением Толстого, которое он прочитал в восьмилетнем возрасте.

Со временем все стало наоборот: война – нечто само разумеющееся, мир – почти невозможен. А если возможен, то исключительно благодаря вере и упорству таких людей, как Йоси Бейлин.

То, что яркий представитель израильской интеллектуальной элиты рос в «русской» семье, воспитывался на произведениях Толстого и Достоевского и пил чай из самовара, можно себе представить. Но сегодня проще поверить в то, что земля стоит на трех китах, чем в то, что будущий председатель партии МЕРЕЦ и светского лобби в Кнессете, ярый борец с религиозным диктатом в молодости накладывал тфилин, соблюдал кашрут, молился в синагоге и оставался дежурить в военной части по субботам, так как соблюдал шаббат. После этого меня уже вовсе не удивляет, что человек, имя которого во всем мире ассоциируется с мирным процессом на Ближнем Востоке, в юности ужасно переживал, что когда он достигнет призывного возраста, в Израиле уже не будет ни армии, ни войн.

Когда эта книга уже была написана, мне с трудом удалось

убедить себя, что главы, посвященные армейской карьере – о Йоси Бейлине, а не о прославленных израильских генералах Ариэле Шароне или Эхуде Бараке. Я неожиданно для себя обнаружила, что самой захватывающей частью рассказа об известном политике, а не генерале, становится повествование о его службе в армии. Бейлин мобилизовался в ряды ЦАХАЛА в 1967 году – том самом, за возвращение к границам которого он и многие его единомышленники борются уже десятки лет. А тогда, накануне Шестидневной войны, молодой солдат Армии Обороны Израиля (ЦАХАЛ) воевал за победу, не задумываясь о ее политических последствиях. А если бы и задумывался, то наверняка продолжил бы воевать с тем же упорством и целеустремленностью, с какими впоследствии стремился к миру. В то время он защищал собственную страну, завоевывая для нее право на физическое существование, а для самого себя – моральное право за этот мир в будущем бороться.

Шимон Перес с трудом уговорил его – делающего успешную академическую карьеру – «всего годик» поработать пресс-секретарем Аводы. Потом этот год превратился сначала в два, затем в семь, а в итоге во всю жизнь Бейлина. А Перес, который сам привел его в политику, нередко кусал себе локти, наблюдая за «выкрутасами» своего советника. Но с этим ничего нельзя было поделать: политиков нового поколения, одним из видных представителей которого стал Бейлин, породила война Судного дня. Они не были готовы

к компромиссам ни с самим собой, ни со старшим поколением.

Если утверждение, что не должность «делает» человека, а человек – должность, верно, то это про Бейлина. Он никогда не сидит, сложа руки, он всегда что-то затевает. Неудивительно, что, став секретарем правительства Израиля в 36 лет, он развернул бурную деятельность по самым различным направлениям. И самое интересное, что все они в итоге оказались более чем перспективными – даже если тогда за это никто не мог поручиться. Ведь в 1984 году мало кто мог себе представить, что Израиль заключит мир с Иорданией и окончательно выйдет из Ливана. «Есть должности, значимость которых начинаешь осознавать только по прошествии лет», – говорит Йоси. Остается догадываться, что бы было, если бы он осознал эту значимость сразу.

За все время ведения знаменитых норвежских переговоров Йоси Бейлин ни разу не был в норвежской столице. Часть главных действующих лиц этого процесса «архитектор Осло» впервые в жизни увидел во время церемонии подписания мирного договора в Вашингтоне. Часть из подписавших в последствии Норвежские соглашения сами впервые узнали о переговорах лишь тогда, когда они уже шли полным ходом. А с первым героем этой истории Бейлин познакомился исключительно из вежливости. Последнее, о чем мог думать израильский политик в самый разгар предвыборной кампании в стране, что его встреча с директором исследователь-

ского института из Норвегии навсегда изменит судьбу целого региона земного шара.

Бейлин говорит, что в какой-то момент процесс Осло проходил как в кино. Кто-то увидел в этом «фильме» драму, кто-то фарс, а кто-то – историческую эпопею со счастливым концом. А я в этой связи всегда вспоминаю о другом, трагическом кино, которое смотрела вечером 4 ноября 1995 года. Я тогда гостила у мамы, и мы временами переключали телевизор на прямую трансляцию с демонстрации в поддержку мирного процесса на площади Царей Израиля. И вдруг – пауза, замешательство и тревожные голоса ведущих в эфире. Затем, чуть позже, известие об убийстве премьера, и еще через несколько дней сказанное Клинтоном на иврите «Шалом, хавер» («Прощай, друг»). Я тогда еще вообще ничего не понимала на иврите, но еще больше не в состоянии была осознать масштабы произошедшего. Оказывается, Бейлин тоже видел эту памятную демонстрацию по телевизору и, оказывается, тоже в тот момент, когда стало известно об убийстве Рабина, не мог осознать масштабы этой трагедии – как для страны и всего региона в целом, так и для мирного соглашения, работа над которым была завершена за несколько дней до убийства израильского премьера. Если бы Рабина не убили, если бы Перес, возглавивший правительство после этого, принял договор Бейлин – Абу Мазен, если бы у самого Йоси хватило сил убедить Шимона в необходимости согласиться с этим сценарием, фабрика грез о мире могла бы превратиться

в фабрику мира на Ближнем Востоке. Но вместо этого на бумаге осталось неподписанное соглашение, под которым сегодня подписалась бы даже любая правая партия.

В Израиле очень любят предполагать, что бы подумал о том или ином событии, происходящем в нашей стране, гуманоид с Марса или человек, абсолютно неосведомленный о ближневосточных реалиях. Мне лично всегда бывает очень жаль этого гипотетического гуманоида, и я ужасно завидую людям, не знающим, что такое национальные, территориальные или религиозные конфликты. Однако если таковые и существуют и им по какой-то причине пришлось бы оказаться на Земле Обетованной, то они наверняка бы подумали, что, во-первых, переговоры о мирном урегулировании здесь ведутся всегда и почти никогда ничем не заканчиваются, а во-вторых, что их инициатором или вдохновителем обычно бывает Йоси Бейлин. А те мирные инициативы, в разработке которых он по той или иной причине не участвует, как правило, обречены на провал. Пример – соглашение с Ватиканом. Известно, что когда Сталину сказали, что Ватикан – важное государство и с Папой Римским нельзя не считаться, то он в ответ поинтересовался, а сколько у этого Папы танковых дивизий. В Израиле, где танковых дивизий всегда хватало, отношение к Ватикану, хоть и из несколько иных соображений, было приблизительно таким же. Неизвестно, сколько бы еще лет наша страна не замечала существования столицы мирового католицизма, если бы не Бейлин – «от-

крывший» для Израиля это государство, а в самом Израиле закрывший министерство религий, тот самый Бейлин, который в молодости накладывал тфилин, а впоследствии стал председателем светского лобби в Кнессете.

С Ариэлем Шароном я встречалась в последний раз на следующий день после завершения Программы размежевания. И тогда впервые поняла, какая огромная разница существует между Шароном – государственным деятелем и Шароном – человеком. В жестком неуступчивом политике без особого труда можно было разглядеть невероятно душевную и теплую личность. Такая же пропасть лежит между идеологией Шарона и идеологией Бейлина. Между размежеванием и мирным процессом такая же разница как между израильским приморским городком Бат-Ямом и Женевой. И, тем не менее, по иронии судьбы и сам того не подозревая, именно выступая накануне муниципальных выборов в Баг-Яме, Ариэль Шарон стал политтехнологом международного масштаба, сделавшим всемирную рекламу Женевской инициативе, из-за которой сам он впоследствии был вынужден провести программу размежевания.

Выносить сор из избы – не самое благородное и благодарное занятие, однако в общественной жизни без этого не обойтись. Особенно, таким людям как Бейлин, которые любят не себя в политике, а политику в себе. Возможно, именно поэтому он и не стал лидером, хотя «серым кардиналом»,

генератором идей был, есть и, возможно, еще будет.

Теодор Герцль никогда бы не поверил, что еврейскому государству и через 60 лет после его основания придется постоянно бороться за свое существование. Но это только потому, что он никогда не руководил Государством Израиль. Страной, лидеры которой делятся на две категории: тех, кто по идее хотят мира, но в последний момент боятся его заключить, и тех, кто в принципе не верят в возможность мирного сосуществования евреев с арабами, а в итоге уходят с ранее оккупированных территорий. Страной, демографические часы которой начали обратный отсчет как раз после оглушительных военных побед. Страной, где даже такие люди как Йоси Бейлин не являются пацифистами.

И вот я говорю с человеком, который творил историю, имя которого известно во всем мире, которого – любят или ненавидят – но знают все. Он создавал кабинет абсорбции еще до приезда первого репатрианта «большой алии», а когда она началась, ночами просиживал в аэропорту, глядя, как самолет за самолетом в страну прибывает огромное количество наших сограждан. Он первым выступил за «прямую абсорбцию», а когда в Белом доме его спросили, какой квоты на выпуск евреев из СССР добивается Израиль, не смог выдавить из себя ни единого слова, так как любую фантастическую по тем временам цифру, произнесенную вслух, считал предательством идеалов сионизма. И этот человек говорит, что «большая алия» – это «успешный проект».

И я, как ни странно, ему верю.

Нино Абесадзе

Долгая дорога к миру

Дом на улице Калишер

В доме, в котором я родился, надо всем витал дух моего деда со стороны матери – Йосефа Брегмана, в честь которого меня и назвали. Он был единственным дедушкой, не дожившим до моего рождения, и, тем не менее, даже для меня он много лет оставался главной фигурой в семье. Его образ присутствовал во всем и везде – до такой степени, что я даже не подозревал, что его нет в живых. Он родился в Пинске в 1880 году, в религиозной семье. Оба его дедушки были адморами¹, а он сам – блестяще образован в области религии. Но это не помешало ему стать светским человеком, еще в молодости категорически отвернувшимся от религии и принципиально не посещавшим синагогу. Он занимался финансами и придерживался, если так можно выразиться, крайне сионистской идеологии.

А крайний сионист по тем временам, – это, в первую очередь, категорический противник Теодора Герцля². Дедушка

¹ Адмор (аббр. иврит, словосочетания «адонену морену ве-раббену» – «господин, учитель и наставник наш») – в иудаизме титул цадиков – духовных лидеров общин в хасидизме.

² Герцль Теодор (1860–1904) – основатель сионизма как политического дви-

был приближенным к Усышкину³ и принадлежал к демократической фракции, членов которой еще называли «казаками Усышкина» или «русскими сионистами». Я совсем недавно получил из архивов письма, которые мой дед писал Усышкину, начиная с 1903 года – с тех пор, как Герцль заявил о возможности создания еврейского государства в Уганде. Все они, кстати, написаны на блестящем иврите. И только прочитав их, я понял, как велика была ненависть к Герцлю со стороны крайних сионистов, к которым относился Усышкин.

Мой дед, так же как Усышкин, считал, что возвращение на землю Израиля важнее всего остального. Его идеология заключалась в алие⁴, а не в спасении народа.

жения. Разработал план возрождения еврейского независимого государства как убежища для евреев со всего мира перед лицом антисемитизма. Детальный проект осуществления этой идеи изложен в его книге «Еврейское государство» (Der Judenstaat), опубликованной в Вене в 1896 году. За исключением правительства Великобритании (предложившего территорию в Уганде), правительства других государств относились к его идее враждебно или недоверчиво, и даже дружески расположенные политики сомневались в финансовых возможностях сионизма и способности евреев поселиться на новом месте и построить свое государство.

³ Усышкин Аврахам Менахем Мендл (1863, Дубровна, Могилевская губерния, – 1941, Иерусалим), – сионистский лидер. Присоединился к сионистскому движению под сильным впечатлением от личностей Т. Герцля и М. Нордау. На 1-м Сионистском конгрессе (1897) он решительно отказался поддержать «чисто политический» сионизм Т. Герцля и выступил одним из самых энергичных сторонников возвращения в Сион, на землю предков, практического заселения и освоения Эрец-Исраэль (Земли Израиля).

⁴ Алия (ивр., буквально «подъём», «восхождение», «возвышение») – репатриация евреев в Израиль, а до основания государства Израиль – в Эрец-Исраэль. Является одним из основных понятий сионизма, ныне закреплённым в Законе

В 1905 году дедушка женился на моей бабушке Ривке, а в 1917 году по поручению Усышкина поехал вместе с семьей в Екатеринославль – создавать сионистский банк (к тому времени у него уже было двое детей – мой дядя и моя мама, родившаяся в 1910 году). Там их застала революция. Шесть лет дедушке с бабушкой с двумя детьми пришлось скитаться по революционной России, из которой им удалось выбраться только в 1923 году. Они приехали в Тель-Авив.

Дедушка-финансист начал работать в пекарне, и это вполне вписывалось в рамки его сионистской идеологии. Только по прошествии нескольких лет его приняли на работу в Тель-Авивское отделение банка «Альваа ве-хисахон», которым он впоследствии руководил до конца своей жизни. Кстати, у него банке работала мать Ицхака Рабина, Роза Коэн. Дедушку все знали, везде приглашали, считали за честь с ним познакомиться. Это выражалось и в положении семьи. К примеру, в доме, который он приобрел в Тель-Авиве, был телефон, холодильник, его возили на работу на такси. Все это по тем временам было огромной редкостью. Сам дом всегда был полон народу. Когда мои родители поженились, они тоже поселились в этом доме. Дедушка скончался от инфаркта в 1946 году, в 66-летнем возрасте, за два года до моего рождения.

Однако признаки его присутствия оставались повсюду. Его рабочий кабинет (он так и назывался по-русски – «каби-

нет»), был «святая святых» в доме, в нем все осталось так, как было в день его смерти. Я обожал эту комнату. Там было огромное количество книг и фотографий выдающихся деятелей сионистского движения, которые я мог рассматривать без конца. Среди снимков было и множество фотографий Герцля. Не знаю, простил ли ему дедушка Уганду, но ненависть к идеологическому противнику, как видно, с годами прошла. Меня не покидало ощущение, что дедушка Йосеф вот-вот появится. Я постоянно спрашивал, когда же это, наконец, произойдет. Сначала мне говорили, что он в Америке. Я понимал, что из Америки так быстро не возвращаются, и ждал. Но однажды, когда мне было пять лет, мама призналась, что дедушки нет в живых. И тогда я действительно очень тяжело это воспринял. Мне ведь до того так часто снилось, как он приезжает и обнимает меня.

Бабушка Ривка воспитывала меня вместе с мамой и была для меня одной из самых близких в детстве. Ее не стало, когда мне было 10 лет. Она была «русской» бабушкой, говорящей на иврите. Много читала. Чтение, как основное занятие в доме, вообще было главной составной частью семейной культуры. Я неспроста стал «книжным червем» – меня к этому приучали с детства. Это происходило даже не специально, а само по себе. Я просто брал пример со взрослых. И хорошо помню, как мечтал научиться читать, чтобы начать изучать всю имеющуюся в доме библиотеку, которая была везде, во всех комнатах.

При таких авторитетных дедушки и бабушки со стороны мамы, семья отца могла отойти в детском представлении на задний план, но этого не случилось.

Просто бабушка и дедушка с отцовской стороны – Зеев и Рахель-Лея Бейлины – были полной противоположностью родителям мамы. Выходцы из религиозных варшавских семей они не имели ничего общего с сионизмом. Если «русские» дедушка с бабушкой, говорили исключительно на иврите, то «польские» – только на идиш. Благодаря им я выучил этот язык, чтобы как-то общаться с бабушкой. Их познакомила сваха. Дедушка был третьим женихом, который сватался к бабушке. Первым двум она категорически отказала. Не знаю, в чем состояла причина разочарования в первом кавалере, но второму была дана отставка из-за того, что он имел неосторожность показаться ей на глаза в рубашке, на которой не хватало одной пуговицы. Бабушка рассудила, что если в таком виде он пришел на столь важную встречу, то он – безалаберный человек, за которого не стоит идти замуж. Следующим был мой дедушка. У него, как видно, все пуговицы были на месте, и они поженились. В Палестину они приехали в 1926 году.

Бабушка из Варшавы почти никогда не выходила из кухни, и если с бабушкой из Пинска я мог говорить обо всем на свете, то с ней – почти ни о чем. Ее не стало, когда мне было 7 лет, а дедушка дожил до глубокой старости, переехал к нам, и моя мама ухаживала за ним как сиделка. Дедушка был

очень тихим, деликатным человеком. Кстати, тоже работал в банке, но не достиг уровня дедушки Йосефа. Он был одним из основателей синагоги, названной в память о первом мэре Тель-Авива Меире Дизенгофе «Оэль-Меир», на улице Ибн-Гвириоль.

Мои родители встретились на вечеринке в Тель-Авиве. Папу послали принести патефон, а мама его сопровождала. Так они познакомились, потом год не виделись, потом снова встретились и очень скоро поженились. Это было в 1936 году. Мама окончила гимназию «Герцлия» и поступила в Университет на Горе Скопус в Иерусалиме, на факультет востоковедения. Она проучилась там три года, но из-за болезни вынуждена была бросить учебу и вернуться в Тель-Авив. Она вообще всю жизнь была очень слабой физически. Папа окончил гимназию «Геула» в Тель-Авиве, очень хотел продолжить учебу, но не смог себе этого позволить. Он был умным и талантливым человеком, много читал и много знал. Не было вопроса, на который он не мог ответить. Не было предмета, по которому он не мог мне помочь в случае необходимости. Сейчас я думаю, что все эти знания были несколько поверхностными, но, вместе с тем, совершенно безграничными. У него была невероятная способность к иностранным языкам. Он владел латынью, итальянским, французским, английским, русским, польским, идиш и арабским языками. Он работал в банке «Апотикаи», впоследствии превратившемся в банк «Леуми ле-машкантаот», до последнего дня

своей жизни. Он прожил всего 62 года...

Мама была лектором-преподавателем ТАНАХа⁵, вела кружки, выступала с недельными комментариями по радио, была автором книги и множества статей о ТАНАХе, которому я учился у нее. Если папа мог помочь по любому предмету, то к ней с вопросом по математике мне бы в голову никогда не пришло обратиться. Я помню ее либо читающей, либо пишущей. Кроме того, она много занималась общественной деятельностью.

То есть была сугубо деловой женщиной, особенно по тем временам.

Когда я видел ее на кухне, готовившей еду, мне становилось обидно, и я всегда говорил ей, что за это время она могла написать или сделать что-то поважнее котлет. Тогда я еще не отдавал себе в этом отчета, но благодаря маме я с годами стал феминистом.

А в первую очередь она была просто мамой.

Она уделяла нам много времени, была общественно активной, состояла в родительском комитете школы. Но вместе с тем она была известным человеком – выступала по радио, а поскольку тогда был только один радиоканал, то ее все знали. Я тоже знал все и всех, о ком говорили по радио. К примеру,

⁵ ТАНАХ – вошедшее в употребление в средние века и принятое в современном иврите название еврейской Библии (в христианской традиции – Ветхого завета). Слово представляет собой акроним названий трех разделов еврейского Священного Писания – Тора (Пятикнижие), Невиим (Пророки) и Ктувим (Писания).

первое имя в жизни, которое я произнес внятно, было Дов Йосеф – министр, ответственный за карточную систему...

Послевоенный период, период талонов на продовольствие и «черного рынка». Период, когда одежда, обувь и игрушки переходили от одного поколения к другому, когда все понимали, что нельзя много тратить и довольствоваться надо тем, что есть. Но все это было в порядке вещей и не вызывало раздражения, так как все так жили. И мы тоже жили очень скромно – как все. Я, к примеру, долгие годы думал, что печень – это баклажаны, потому что мама готовила баклажаны со вкусом печенки. Мороженое было редкостью. В кафе ходили на День независимости, а о ресторанах и речи быть не могло (впервые я туда попал в 15-летнем возрасте). Считалось, что это безумие – есть в ресторане, когда еду можно приготовить дома. Во мне это осталось по сей день. Я терпеть не могу рестораны и считаю, что это место для сибаритов, не говоря уже о том, что там невозможно спокойно поговорить.

Только в 27 лет я впервые попали за Гранину. Семейный отдых – и то не каждый год – заключался в поездке в район Бейт ха-Керем в Иерусалиме, там был чистый воздух. Мы снимали комнату в доме, в котором продолжала проживать семья его владельцев, мама также ходила в магазин, также покупала продукты и также готовила, как дома. Это называлось поездкой на отдых. В кино мы ходили, но очень мало и с неким угрызением совести за потраченные деньги. Концерты и спектакли посещали «пополам»: первое отделение

смотрели мы с братом, на второе, по тем же билетам, заходили родители. Приходилось экономить, но любовь к искусству нам прививали.

Папа с мамой поженились после убийства Хаима Арлозорова, вызвавшего в еврейском ишуве большие политические споры⁶. Мама была уверена, что его убили ревизионисты – приверженцы Жаботинского, а папа считал, что еврей не мог этого сделать. Тогда они порешили между собой: во избежание семейных ссор никогда не касаться этой темы. Никто из них никогда в жизни не говорил мне, за кого голосует на выборах. Папа объяснил, что это – очень личное дело. Он не голосовал за Менахема Бегина⁷, так как считал его антитезой

⁶ Арлозоров Хаим (1899, Ромны, Украина, – 1933, Тель-Авив) – один из руководителей сионистского рабочего движения. В 1933 г. Арлозоров активно участвовал в организации массовой алии евреев из нацистской Германии. В июне 1933 г. был убит во время прогулки на берегу моря в Тель-Авиве. По обвинению в убийстве Арлозорова были преданы суду А. Ахимеир, лидер ревизионистской партии, и два других ее члена: Ц. Розенблат и А. Ставский. Окружной суд оправдал Ахимеира и Розенבלата. Ставский был осужден, но впоследствии оправдан Верховным судом за недостаточностью улик. Большинство участников сионистского рабочего движения восприняли убийство Арлозорова как доказательство существования фашистских тенденций в партии ревизионистов. Однако последние, вместе с другими кругами, не примыкавшими к рабочему сионистскому движению, утверждали, что процесс сфабрикован силами, враждебными ревизионистам.

⁷ Бегин Менахем (1913, Брест-Литовск, – 1992, Иерусалим) – израильский политический и государственный деятель, до возникновения государства глава организации ЭЦЕЛ. Бегин не присоединился к официальному руководству ревизионистского движения. В октябре 1948 г. основал партию Херут и в качестве ее лидера стал членом Кнессета 1-го созыва, был лидером оппозиции в Кнессете 1–

Жаботинскому. В Жаботинском он видел в то время важного сионистского лидера, в Бегине – фашиста. В том, что он был приверженцем Бен-Гуриона, я ни на минуту не сомневаюсь.

При этом он был членом Гистадрута⁸, но не был социалистом. Когда я в 1972 году рассказал ему, что вступил в партию Авода, его это расстроило. Я думаю, он был центристом с легким левым уклоном. Мама, как мне кажется, голосовала за МАПАЙ⁹. Моего старшего брата Инона политика не интересуется вообще, ее для него не существует по опре делению.

Пион старше меня на 11 лет, и с момента моего появления на свет добровольно взял на себя функции воспитателя.

⁸ созывов. В 1977 году избран премьер-министром Израиля, подписал исторический мирный договор с Египтом по принципу «территории в обмен на мир», за что впоследствии получил Нобелевскую премию мира.

⁸ Гистадрут – основная профсоюзная организация Израиля, объединяющая большинство наемных работников страны, членов киббуцов, мошавов и кооперативных предприятий, а также значительную часть лиц свободных профессий. Как правило, его члены придерживались социалистической идеологии, членство в этой организации было в свое время обязательным для работников гос. предприятий и ведомств.

⁹ МАПАЙ (аббревиатура от Мифлегет по'алей Эрец-Исраэль – Рабочая партия Эрец-Исраэль) – социал-демократическая партия, созданная в 1930 г. Под руководством Д. Бен-Гуриона и Б. Кацнельсона она быстро превратилась в крупнейшую партию ишува, а впоследствии – Государства Израиль. МАПАЙ играла центральную роль в руководстве сионистского движения и в Гистадруте, а после образования Государства Израиль руководила правительством в 1948—68 гг. Членами МАПАЙ были премьер-министры Д. Бен-Гурион, М. Шарет, А. Эшколь и Голда Меир. На политической арене Израиля МАПАЙ представляла собой центристскую партию, идеологическими оппонентами которой были лев о-социалистические течения в Гистадруте и ревизионистское правое движение Херут.

Он был мне маленьким отцом, а я его «хвостом». Несмотря на то, что нас связывают очень тесные отношения, я думаю, он сам до сих пор не догадывается, какое огромное влияние оказал на мое формирование. Он стал для меня тем человеком, которому я подражаю во всем — в манерах, жестах, вкусах. Он любит оперу, и я ее люблю, он любит французский шансон, и я его полюбил. Я ходил с ним к его друзьям и подругам. Пока мы жили вместе, он был моей радостью и гордостью. Мы никогда не ругались, кроме единственного случая, когда я случайно поломал его оловянного солдата. Тогда он в первый и последний раз в жизни на меня накричал, и это было так странно, что я запомнил эту историю на всю жизнь. Когда мне исполнилось семь лет, Пиона призвали в армию. Я остался один, без человека, к которому обращался в первую очередь. Когда что-то надо было решать, единственным выходом стало задаваться вопросом, а как бы он сейчас поступил на моем месте, и это во многом определило мой характер и нормы, по которым я живу и сегодня. В армии он служил в бригаде «Нахаль», стал одним из основателей кибуца «Йответа» и почти не приезжал домой. Тогда добраться из Эйлата в Тель-Авив было, примерно, как сейчас слетать в Нью-Йорк. Я сходил с ума, а когда он приезжал, не отходил от него ни на шаг. А потом он уезжал, и я начинал дожидаться следующего приезда. Когда он демобилизовался, сразу уехал учиться в университет в Иерусалиме. И я его снова не видел.

Ездить в Иерусалим было тоже очень трудно, телефонов не было, так что для меня он будто остался в армии. Он приезжал иногда в конце недели и в один из таких приездов отвел меня в сторону и сказал, что женится. Я разрыдался.

Жениться он собирался на нашей соседке из дома напротив по имени Ализа. Она была его подругой еще с детского сада, и я каждый день видел ее из окна, а ее брат был моим близким Другом. Так что речь не шла о ком-то постороннем, но я воспринял это как трагедию. До этого я все время надеялся, что вот-вот получу его обратно – от армии, от университета, а тут понял, что от Ализы я его «обратно» не получу никогда, и это казалось ужасным. В декабре 1958 года они поженились, создав замечательную семью, любящую и очень сплоченную, а потом переехали в Иерусалим. Иной работал в министерстве связи и до выхода на пенсию в 2003 году руководил Службой почтовых марок. Он блестящий менеджер и мог бы занимать гораздо более высокие должности, но в марках он сочетал менеджмент с любовью к искусству, хотя сам при этом так и не стал филателистом. Он человек искусства и абсолютно не человек политики.

И он ни разу не пытался уговорить меня оставить это дело. Никогда. Он следит за моей политической деятельностью, очень за меня переживает, не пропускает ни одно мое выступление по телевидению, но с политикой не имеет ничего общего по определению. Пока он был на государственной службе, он, также как и родители, не признавался мне, за ко-

го голосует. С выходом на пенсию он сказал, что голосует за партию МЕРЕЦ из-за меня. Более того, он даже стал членом этой партии, что, в первую очередь, смешно ему самому.

Но вернемся к тому времени, когда он пошел в армию, а я — в школу.

Я был послушным ребенком и мечтал научиться азбуке, но мама считала, что я должен сделать это только в первом классе, так как иначе мне в школе будет неинтересно. Знали бы вы, как я этого дожидался! Как только настал назначенный срок, я быстренько выучил буквы и налетел на домашнюю библиотеку, которая была в каждой комнате — от кабинета до спален. Это было раздолье. Я поглощал, не разбирая, книгу за книгой, полку за полкой. Домашней «цензуры» не было, никто не запрещал мне читать все то, что я хотел. Итогом этого дела стало то, что к восьми годам я прочитал «Войну и мир», и мне роман очень понравился. Правда, в книге «обнаружились» целые куски на французском языке, которого я не знал, что не помешало общему восприятию романа. Затем последовала «Анна Каренина», «Преступление и наказание», «Идиот». В общем, к 12 годам я был знаком с русской классикой в том объеме, который, наверное, позволил бы мне сдать на «отлично» экзамены по литературе и в средней московской школе.

Я учился в Тель-Авиве. Сначала в начальной школе «Эхад ха-ам», затем в гимназии «Герцлия». Весь этот период был очень интенсивным в моей жизни. Мне нравилось учиться.

У меня не было ни секунды свободного времени. Я был вечно занятым ребенком и лучшим учеником, привыкшим слышать, что для меня не хватает существующей шкалы оценок. Моя методика заключалась в том, чтобы готовить задания к следующему уроку, поэтому я всегда все знал раньше других. Меня спрашивали тогда, когда никто другой в классе не мог ответить на поставленный вопрос. Такая, знаете, ходячая мечта любого преподавателя, любимцем которых я был, хотя никогда из-за этого не зазнавался.

Кроме того, что я сам постоянно чему-то учился, я еще все время учил других, организовывал кружки, помогал отстающим ученикам и учащимся младших классов. Это положительно влияло на мой статус среди сверстников, так как во мне все время нуждались. И я не страдал от отсутствия друзей. Со второго класса я публиковался в школьной газете, в шестом – стал чемпионом школы по шахматам. Призом для победителя была партия с директором школы, но он так и не согласился ее со мной сыграть, а я ведь только для этого и побеждал в том турнире...

В 12 лет меня приняли юным корреспондентом в молодежную редакцию радиостанции «Коль Израэль»– «Голос Израиля». Я много выступал и испытывал от этого безумное удовольствие. Но мне этого было мало, и в 13 лет я решил исполнить свою мечту и стать корреспондентом по вопросам молодежи журнала «Маарив ле-ноар». Если радио все слушали, то «Маарив ле-ноар» все читали. С первого раза меня

не взяли, и это была трагедия, но приняли через год, и это было счастье. Я писал все – статьи, стихи, рассказы. Я думаю, что большинство моих произведений отправляли в корзину, но я был неисправимым графоманом и продолжал писать еще больше. В 14 лет я был самым настоящим действующим журналистом. Одновременно я был также корреспондентом молодежной секции «Коль Израэль», редактором гимназической газеты и приглашенным юным участником передач культурной редакции «взрослого» отделения «Голоса Израиля». Параллельно, еще в 13-летнем возрасте, я записался в молодежный кружок национального драматического театра «Габима». Театр, как шахматы и журналистика, привлекал меня всегда, но в «Габиму» до 14 лет не принимали. После длинного письма руководителю кружка меня приняли на год раньше. Работа в кружке велась в трех направлениях: мы ставили сцены и этюды, слушали лекции и участвовали в репетициях и спектаклях самой «Габимы». Самым интересным и большой привилегией для нас было посещение генеральных репетиций в театре накануне премьеры. Я по пять раз просмотрел все тогдашние спектакли. Мы были детьми театра и не только сами знали актеров, но и нас узнавали в лицо такие знаменитости того времени как Ровина, Мескин, Бертонов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.